

*Кьяре и Маттео за терпение
Чезаре за обучение*

Это произведение — плод фантазии автора. И хотя, с единственной целью придания большей правдоподобности рассказанным событиям, некоторые персонажи — а также определенные места, факты и учреждения — частично связаны с реальными людьми, было бы неправильно отождествлять их с последними. Однако они остаются вымышленными фигурами, и все, что они делают или говорят в романе, следует рассматривать как плод воображения автора.

Часть I

НАВЕРХУ

Центральный вокзал Милана — это целая самостоятельная планета; он похож на поселок дикарей в центре города.

Джорджо Шербаненко

1

Сотни людей напряженно вглядывались в пути, стоя под огромными, почерневшими от копоти железными и стеклянными навесами, однако в мерцающем воздухе сложно было различить что-то, кроме старых, давно опустевших будок управления.

Только что, передаваясь из уст в уста, новость распространилась среди заполонивших платформы пассажиров. Поезд, который в новостях по радио уже окрестили «поездом ужаса», подъезжал к Милану. Через несколько минут, с отставанием от графика почти на четыре часа, он должен был прибыть на станцию.

Его ждали уже по меньшей мере полчаса. Полицейские из мобильных подразделений в защитном снаряжении окружили самое доступное для обозрения и контроля пространство — платформу четвертого пути, самого первого из длинных боковых путей. Перрон был оцеплен и закрыт для пассажиров, пути — для поездов. До особого распоряжения нечего было и думать об отправлении или возвращении домой — и это в воскресенье, накануне рабочей недели...

Недовольство толпы росло и уже никак не могло оставаться без внимания, однако префект, проведя экстренное совещание, решил, что так будет разумнее — и кризисный комитет, собравшийся в управлении железнодорожной полиции, его полностью поддержал. В состав комиссии входили сотрудники Мобильного отдела и отдела общих расследований и специальных операций, представитель железных дорог и представитель пожарных,

а также руководитель отдела железнодорожной полиции, комиссар Далмассо, который постоянно находился на связи с главным управлением полиции, префектурой и отделом железнодорожной полиции Ломбардии.

Инспектор Рикардо Меццанотте потел, фуражка жгла ему голову. Куртка казалась слишком тяжелой и тесной; про себя он окрестил ее саркофагом — так в ней было неудобно. Меццанотте был непривычен к форме — в родном убойном отделе он ее почти никогда не носил.

Нервное напряжение ощущалось во всем, даже в поведении полицейских. Несмотря на относительно малый опыт в службах общественного порядка, Меццанотте прекрасно все ощущал — еще минуту назад атмосфера была непринужденной и легкой. Люди болтали, кто-то шутил, кто-то курил. Новость о приближении поезда перевернула все с ног на голову, и от непринужденности не осталось и следа. Воцарилось молчание; лица полицейских застыли в напряжении, будто одеревенев, глаза сузились, руки машинально сжались на рукоятках дубинок и ручках плексигласовых щитов, как будто ища опору и собираясь с силами.

Подумать только, прошло всего несколько дней, как его перевели в железнодорожную полицию оперативного сектора Центрального вокзала Милана. Несколько дней — и вот он уже в центре такого кошмара... Рикардо даже не успел освоиться — а это, кстати говоря, оказалось той еще задачей. Дела здесь обстояли чуть лучше, чем на прежнем месте работы. Не то чтобы он был удивлен, учитывая его нынешнее положение. В железнодорожной полиции на самом деле было не так уж и много людей, которые проявляли к нему открытую неприязнь: большинство ограничивались тем, что просто держались от него подальше, со смесью страха и недоверия, обходя его стороной, как будто он был носителем неизвестной, но крайне заразной болезни. Однако к некоторым вещам все равно было трудно привыкнуть: например, к тому, как сами собой исчезали коллеги и стихали разговоры при его приближении или появлении, или к постоянным перешептываниям за спиной и косым взглядам. Перевели, значит... Правильнее было бы сказать *изгнали*, потому что на самом деле так и было. Изгнание, не больше и не меньше — и его пришлось принять с благодарностью, чтобы избежать худшего.

* * *

— Кардо, а Кардо, ну и что теперь будет? Что нам делать-то?

Рядом с ним стоял Филиппо Колелла. Его круглое лицо было мокрым от пота и беспокойства. Он снял фуражку, провел рукой по светлым кудрям и снова надел ее. Колелла был на несколько лет моложе Рикардо и весил на добрый десяток килограммов больше. Четыре года назад они вместе проходили курс по подготовке младших агентов — и вот встретились в отделе железнодорожной полиции. Филиппо был одним из немногих, кто не держался на расстоянии. Можно сказать, кроме Колеллы, друзей у него и не было.

— Не трясись, Филиппо. Основная часть работы ляжет на плечи сотрудников из департаментов. Мы здесь только в качестве поддержки. Просто держись рядом со мной, и ты увидишь, что все пройдет гладко.

Меццанотте старался говорить обнадеживающе, но даже он не знал, что должно произойти. Уверенности в том, что все обойдется, у него не было, зато он точно знал, что не хочет ни во что ввязываться. Вообще ни во что.

Тем более что поступавшие новости напоминали скорее военные сводки. «Интерсити 586» должен был отправиться с вокзала Термини¹ в 9:40 утра 6 апреля 2003 года. Ситуация была спокойной, и власти не ожидали никаких проблем. Автоколонна с болельщиками, направлявшимися в Милан на вечерний матч «Интера» и «Ромы», уже уехала. На «Интерсити» ожидалось около двухсот болельщиков «Ромы». Только вот на платформу пришло как минимум вдвое больше людей. У многих из них не было билетов. Оказалось, что несколько человек из ультрас² попали в затруднительное положение из-за путаницы, произошедшей по вине автобусной компании. Шумная, буйная толпа, казалось, была полна решимости штурмовать поезд, независимо от того, имела она на это право или нет, поэтому полицейское оцепление действовало как фильтр, позволяя железнодорожникам про-

¹ Термини — главный вокзал Рима. Ежегодно пропускает свыше 150 млн. пассажиров, занимая шестое место в Европе по этому показателю.

² Ультрас — наиболее радикальная и агрессивная группа болельщиков любой спортивной команды.

верить билеты. Но медленный темп работы привел к стычкам и еще большему беспорядку. Полицейских сначала осыпали кричалками и оскорблениями, а затем в ход пошли пластиковые бутылки, банки, мелкий мусор и самые разные предметы. Начались потасовки, и болельщики, воспользовавшись случаем, хлынули в поезд, занимая все свободные места. Некоторых уже сидящих на своих местах пассажиров оскорбляли и угрозами заставляли выходить из вагона. К тому времени, когда полиции удалось восстановить оцепление, напряжение резко возросло. В то время как оставшиеся на перроне болельщики «Ромы» злобно напирали, начались переговоры с теми, кому удалось пробраться в поезд без билета. Сложившаяся ситуация разрешилась только когда поступило чрезвычайное распоряжение префектуры, разрешающее отправление «Интерсити» с болельщиками на борту по соображениям общественного порядка. Было добавлено несколько вагонов, а обычных пассажиров попросили уступить свои места футбольным фанатам. Большинство из них, несмотря на свое возмущение и ярость, согласились на альтернативные варианты проезда, но некоторые тем не менее все же остались в поезде. Наконец тот, перегруженный охваченными эйфорией болельщиками «Ромы», покинул вокзал с опозданием более чем на час. В вагонах из-за хронической нехватки персонала было всего четыре агента сопровождения из железнодорожной полиции.

Оставалась надежда, что в дороге боевой дух «желто-красных» успокоится. Но этого не произошло. Группы обезумевших фанатов начали устраивать беспорядки и в купе: шторы и занавески были порваны, стены испачканы надписями и граффити, сиденья вспороты и изрезаны, некоторые даже сорваны, а несколько пассажиров ограблены и избиты. Среди них был и кондуктор, который лишь пытался выполнять свою работу, действуя по инструкции. Поездка прерывалась несколько раз — применяли аварийный тормоз. Во время этих остановок некоторые болельщики выходили из поезда, чтобы набить карманы камнями с дорожной насыпи.

Сотрудники железнодорожной полиции решили переместить пассажиров, сосредоточив их в головных вагонах, чтобы изолировать от все более шумных хулиганов. В том числе потому, что алкоголь и наркотики, похоже, в изобилии переходили

из одного вагона в другой. С этого момента три четверти поезда оказались полностью в руках ультрас.

По прибытии во Флоренцию «Интерсити» опаздывал уже на добрых два часа. Многие пассажиры разбежались, как только двери открылись. В поезд никого не пустили. Кроме болельщиков там оставалось лишь несколько смельчаков или безрассудных людей. Особенно досадно было то, что поезд остановился прямо на платформе рядом с другим, из которого высаживались болельщики «Перуджи», направлявшиеся в Болонью. Болельщики «Ромы» не придумали ничего лучше, чем разбить несколько окон и обрушить град кирпичей и камней на фанатов «Перуджи» одновременно с петардами и дымовыми шашками. Чтобы не допустить обострения ситуации, «Интерсити» отправился дальше в большой спешке.

Но на самом деле ситуация уже полностью вышла из-под контроля. Фанаты, в чьих жилах бушевала опасная смесь адреналина, алкоголя и наркотиков, яростно крушили все, что попадало под руку. Их ярость была необузданной и неуправляемой. Между Флоренцией и Болоньей вандализм продолжался, и агенты сопровождения сообщали, что им становится все труднее предотвращать налеты на вагон, где сидели немногие оставшиеся пассажиры. Затем совершенно внезапно связь прервалась.

На вокзале в Болонье «Интерсити» был заблокирован. Его ожидали полсотни человек из мобильных подразделений — большее количество людей было просто невозможно собрать в столь короткие сроки. Последние пассажиры в ужасе и шоке бросились наружу. Сразу же после этого трое мужчин из конвоя железнодорожной полиции, избитые и окровавленные, были выброшены из поезда. Они заступились — как они позже расскажут в больнице — за девушку, к которой приставали какие-то уроды, запершие ее в пустом купе. У нее получилось сбежать, но прибытие других фанатов помешало им самим отступить. Полицейские были избиты до полусмерти. Они и понятия не имели, что случилось с их четвертым коллегой.

На призывы полицейских освободить поезд и сдаться без сопротивления болельщики ответили градом камней и дождем петард. Попытки взять поезд штурмом пресекались и отбивались с помощью палок. Выброс пламени от первого же «коктейля

Молотова» окончательно отбил у полиции желание отвоёвывать состав силой.

Оставались две альтернативы: дождаться прибытия подкреплений, которые неизвестно когда появятся, или возобновить движение поезда и подготовить ему достойный прием в Милане. Был выбран второй вариант.

И вновь «Интерсити», освобожденный и опасный, понесся по рельсам. Ультрас, которые к тому времени стали его абсолютными хозяевами, отмечали свою победу дикими криками и песнями. На какое-то время власти, постоянно следившие за маршрутом, остались без всяких сведений о ситуации внутри поезда. Затем дал о себе знать последний оставшийся на борту агент железнодорожной полиции, который пришел в себя и позвонил по мобильному телефону в свой отдел в Неаполе. Он рассказал, что ему удалось избежать избиения и запереться в туалете седьмого вагона. Он чувствовал себя очень плохо и пролежал в туалете в полубессознательном состоянии не менее получаса. Его мобильник был почти полностью разряжен, и он успел только подать сигнал о возможном возгорании — он видел дым из окна, — прежде чем связь прервалась. С этого момента наступила полная тишина.

Темнело, и свет начал медленно меркнуть. Меццанотте посмотрел на часы. С момента объявления о прибытии прошло уже более десяти минут, но поезда не было. Не то чтобы ему так уж хотелось увидеть, как «Интерсити» въедет на вокзал... Приказ был прост: остановить болельщиков, установить их личности и доставить в здание полицейского участка на автобусах, реквизированных у военкомата и уже ожидавших у Центрального вокзала вместе с несколькими машинами «скорой помощи». Приказы были настолько же просты в теории, насколько сложны для выполнения на практике. Два подразделения мобильных отрядов, каждое из которых состояло из десяти команд по десять человек, плюс около двадцати агентов железнодорожной полиции против более четырехсот вырвавшихся на свободу ультрас. Не самое простое дело на свете.

Меццанотте прочитал отчет «Дигоса»¹ о банде футбольных фанатов, который пришел по факсу во второй половине дня.

¹ Антитеррористическое подразделение государственной полицейской службы Италии (DIGOS).

В нем предупреждалось о присутствии на борту поезда «Интерсити» некоторых экстремистов, особенно опасных и жестоких сторонников «желто-красных», обезумевших от ярости неспасаемых отщепенцев, не имеющих никакого отношения к более крупным и организованным группам. Рикардо остановился, в частности, на одной из них: «Повелители хаоса» — громкое название, за которым скрывалась банда примерно из тридцати сторонников непримиримой борьбы, связанных с неофашистскими кругами. Горстка хулиганов и головорезов, многим из которых уже запретили появляться на стадионах, всегда была на передовой, когда нужно было всех избивать и громить все подряд. Их также долгое время подозревали в торговле наркотиками и в организации проституции. Ее возглавляли Фабрицио «Ниндзя» Джанноне, двадцати восьми лет, инструктор по боевым искусствам, в спортзале которого собиралась эта банда, ранее судимый за драки, нанесение увечий, телесных повреждений и сопротивление должностным лицам при задержании; Юри Де Виво, двадцати трех лет, по кличке Хирург, полученной за ту хваленую хирургическую точность, с которой он наносил удары по ягодицам противников своим складным ножом, ранее судимый за различные имущественные преступления и насилие; Карло Буттерони, он же Гора, двадцати шести лет, ростом сто восемьдесят девять сантиметров, весом сто четырнадцать килограммов и со столь же тяжелым уголовным прошлым; и, наконец, Массимилиано «Макс» Овиди, тридцати одного года, негласный лидер банды, уже судимый за покушение на убийство, хранение огнестрельного оружия, грабеж и торговлю наркотиками, подозреваемый в связях с каморрой¹. Выезд «Повелителей хаоса» был организован именно для того, чтобы отпраздновать освобождение Овиди из тюрьмы несколькими днями ранее, и, к сожалению, было известно, каково их представление о «празднике». Задача была не из легких.

В атмосфере тишины и неподвижности, окутавшей перрон, в воздухе пролетел голубь с распростертыми крыльями, легкий и грациозный, собираясь приземлиться прямо на тротуаре четвертой платформы, всего в нескольких шагах от длинной линии

¹ Каморра — неаполитанская преступная структура, аналогичная мафии. Возникла в XVIII в.

облаченных в доспехи полицейских. Меццанотте наблюдал за тем, как он тихонько курлыкает, не обращая внимания на сотни неподвижных, как статуи, мужчин, стоявших вокруг него, пока его не испугал и не заставил встрепетаться и улететь шквал щелчков защитных козырьков шлемов, которые опустились в унисон. Он поднял голову и увидел его. «Интерсити 586» медленно продвигался вперед, его силуэт вырисовывался на фоне неба, освещенного темно-красным маревом заката. За ним тянулся шлейф черного дыма. Рикардо подумал, что он похож на дрейфующий в темных водах корабль-призрак.

С нервирующей и пугающей медлительностью поезд въехал на станцию и остановился на четвертой платформе. Тут же дверь локомотива открылась, и два машиниста поезда выскочили из нее, спрыгнули вниз и побежали прочь; вид у них был такой, будто они вырвались из тисков затяжного кошмара.

Офицер, возглавлявший роту полицейских, вышел вперед с мегафоном. Он включил его, повозился с ручками, чтобы заглушить издаваемый им при включении назойливый и раздражающий свист, а затем, держа его высоко перед собой одной рукой, другой поднес внешний микрофон ко рту.

— Хорошо, ребята, вы молодцы — повеселились на славу. Но теперь ваша игра закончена. Следите за тем, чтобы не усугублять ситуацию, и спокойно и организованно выходите из поезда. Не оказывайте сопротивления, и никто из вас не пострадает.

В течение нескольких мгновений единственным ответом со стороны находившихся в поезде была тишина.

Бабах!

За первым громким ударом последовал еще один, и еще, и еще один, пока одно из окон первого вагона не разлетелось вдребезги и из него не вылетел наружу унитаз, очевидно, выкорчеванный из туалета, врезавшийся в платформу в нескольких сантиметрах от полицейского кордона. Стоявшие к нему ближе всего полицейские подняли свои щиты, чтобы защититься от осколков, разлетающихся во все стороны. Меццанотте пробормотал:

— Черт побери...

Сразу после этого из поезда донеслась песня, распеваемая нестройным хором голосов с раздражающей нежностью:

Смерть копа — вот настоящее счастье,
Собаки, всем вам скоро гнить!
Смерть копа — вот настоящее счастье,
Скорее бы копов всех мне избить.
Жалеть вас не будем, вы так и знайте —
Нам нравится копов бить!

Более красноречивого ответа и быть не могло. Все можно было свести к следующему: уходить мы не собираемся. Охота вам — подходите и попробуйте нас взять, нам плевать.

В Болонье полицейским не удалось взять поезд, но на этот раз, памятуя об этом поражении, миланские полицейские избрали другую тактику. В то время как из вагонов полетел град камней, обрезков арматуры, бутылок и всего остального, что было в распоряжении фанатов, компактный фронт щитов открылся ровно настолько, чтобы пропустить из вторых рядов несколько полицейских, вооруженных гранатометами, которые выстрелили гранатами со слезоточивым газом внутрь поезда через разбитые окна.

В течение нескольких минут ничего не происходило, только из окон виднелись клубы дыма, а в воздухе начал распространяться едкий, резкий запах газа. Затем двери вагонов открылись одна за другой, и ультрас с криком высыпали наружу. Их лица были скрыты желто-красными шарфами, платками и балаклавами, отчасти для того, чтобы их не узнали, отчасти для защиты от газа; они были вооружены металлическими прутьями, длинными деревянными шестами для флагов, цепями и ремнями с большими металлическими пряжками. Выглядело все это устрашающе.

Поток болельщиков обрушился на полицейский кордон с яростью волны цунами. Поначалу их напор удавалось сдерживать, и обе стороны обменивались яростными ударами над тонкой линией разделявших их щитов. Но фанатов «Ромы» было много, гораздо больше, чем полицейских, и, по мере того как они выходили из поезда, их натиск усиливался. Шеренга «голубых касок» отступала, постепенно теряя компактность и рассыпаясь на глазах. Сражение превратилось в беспорядочную и яростную схватку, обе стороны вели беспощадную борьбу.

Из «Интерсити» полетели петарды и дымовые шашки, их разноцветные струи окутали бойцов и смешались с черным